

Въ декабрь прошлаго года въ Москвѣ гастролировалъ знаменитый ветеранъ вѣнскаго Burgtheater Юсифъ Левинскій. Интересуясь русскимъ театромъ, онъ воспользовался первымъ свободнымъ днемъ и отправился въ театръ Корша, въ которомъ тогда играли *Ревизора*. Спектакль произвелъ на иностранца видимо прекрасное впечатлѣніе, и онъ тогда же въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ разказывалъ Москвичамъ о времени проведенномъ имъ въ названномъ театрѣ.

Надняхъ въ послѣднемъ номерѣ журнала *Deutsche Revue* мы нашли статью Юсифа Левинскаго, въ которой изложены воспоминанія автора о послѣднемъ своемъ пребываніи въ Россіи. Статья эта довольно обширна и очень интересно написана.

Мы приведемъ наиболѣе для московскихъ читателей любопытную ея часть, излагающую взгляды даровитаго и образованнаго иностранца на Русскій народъ и касающуюся старѣйшаго московскаго частнаго театра.

„Мое пребываніе въ Москвѣ продолжалось,—говоритъ г. Левинскій,—къ сожалѣнію, очень недолго, и притомъ большая часть времени шла на исполненіе моихъ артистическихъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе мнѣ очень повезло въ наблюденіи надъ Русскимъ народомъ. Его исторія, вся его жизнь производятъ на меня совершенно особенное, чарующее впечатлѣніе.

„Славянская натура проявляется во всей чистотѣ, во всемъ своемъ величіи только въ одномъ Русскомъ народѣ. Множество народностей идутъ рука объ руку подъ гавенствомъ этого молодого народа-гиганта, котораго природа наградила не только физическою силой, но и богатою мыслию. И вотъ въ этомъ народѣ прорвалось наружу пламя самостоятельнаго великаго духа, который долженъ подарить міру новыя, неслыханныя еще истины, подаривъ уже съ первыхъ шаговъ своего творчества много оригинальнаго и чрезвычайнаго въ области поэзіи и живописи.

„Мнѣ кажется что идея Шиллера, по которой искусство является учителемъ человечества, подтверждается и на Русскомъ народѣ: и здѣсь впередъ вся идетъ искусство. Поэты и пѣвцы всяются путеводителями молодого народа: она разказываютъ и поютъ ему про его прошлое и указываютъ его будущее; они приводятъ народъ къ сознанию смысла его существованія, его предназначенія. Также точно и лично мнѣ искусство помогло понять душу Русскаго народа и его историческую судьбу: когда имѣешь посредниковъ Гоголя или Толстаго, то видишь все быстро и ясно. Два года тому назадъ я узналъ Русскаго крестьянина благодаря игрѣ великихъ артистовъ Петербурга и Москвы; въ прошломъ году я еще ближе узналъ Русскаго человека благодаря Гоголю. Настоящій судожникъ и поэтъ можетъ научить въ теченіе двухъ часовъ большому, чѣмъ целое собраніе государственныхъ актовъ.

„Во время моихъ послѣднихъ гастролей въ Москвѣ исполнилось мое давнишнее странное желаніе увидѣть на сценѣ знаменитое сочиненіе Гоголя *Ревизоръ*. Хорошо извѣстный всей Россіи театръ Корша далъ мнѣ этотъ случай, а художественное удовлетвореніе, которое доставила мнѣ группа этого театра, было чрезвычайное.

„Названный частный театръ, благодаря личности своего директора и артистическаго персонала, представляетъ собой крайне интересное и оригинальное явленіе, подобнаго которому я не встрѣчалъ въ своей жизни: я бы сказалъ даже, единственное въ своемъ родѣ явленіе, которое станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе одну патріархальную черту въ характерѣ Русскаго народа, о которой я буду говорить ниже.

„Спектакль на сценѣ театра Корша 14 декабря 1897 года принадлежитъ къ числу моихъ лучшихъ воспоминаній въ области моего любимаго искусства. Съ каждымъ актомъ увеличивалось мое удивленіе передъ собраніемъ прекрасныхъ артистовъ. Хотя я и не владю русскимъ языкомъ, но, основательно изучивъ гоголевскаго *Ревизора* по нѣмецкому переводу, отмѣчу что особенно удачно были проведены первая сцена перваго акта и финальная комическая картина пьесы. Я былъ въ восторгѣ также и отъ грима, манеры и вообще всего внѣшняго облака Коршевскихъ артистовъ.“

Останавливаясь на отдѣльныхъ исполнителяхъ *Ревизора*, Левинскій представляетъ нѣмецкому читателю ихъ художественную индивидуальность при помощи сравненія съ нѣкоторыми европейскими сценическими дѣятелями. Однако, говоря о г. Грековѣ (Городничій), онъ не находитъ возможнымъ привести какой-либо подходящей аналогіи,—до такой степени г. Грековъ „чисто-русскій“ актеръ (ingrussisch). Гжа Романова, игравшая роль городничихи, напомнила Левинскому знаменитую нѣмецкую актрису Христиану Габбель. Смотря игру г. Свѣтлова (*Хлестаковъ*), Левинскій вспомнилъ двухъ первоклассныхъ артистовъ западной сцены: покойнаго знаменитаго актера Burgtheater'a Фихнера и артиста Théâtre Français—Брессана. Въ наступающій восторгъ привели Левинскаго живость и веселость исполненія гжи Кошевой, которую онъ называетъ лучшей русскою артисткой на роли *genue comique*.

Наблюдая игру Коршевскихъ артистовъ, Левинскій дѣлаетъ, между прочимъ, одно общее замѣчаніе, касающееся всѣхъ русскихъ артистовъ. Въ русскомъ актерѣ, по наблюденію автора, есть одна въ высшей степени достопримѣчательная черта: его никогда не оставляетъ споконейство даже въ самыхъ вышнихъ рѣзкихъ положеніяхъ, и этимъ выполнено главное требованіе искусства („служеніе музѣ не терпитъ суеты; прекрасное должно быть величаво“). Левинскій ищетъ объясненіе такой подробности исполненія русскаго актера вообще въ натурѣ Русскаго человека, который не любитъ суеты („zappeln“).

И вторые актеры были очень тапачны.

Для меня, чужестранца, — говоритъ Левинскій,—исполненіе *Ревизора*, въ дѣломъ будучи эстетическимъ удовольствіемъ, даю въ суммѣ массу матеріала къ познанію и пониманію русской души.

Въ результатъ у нѣмецкаго актера явилось непреодолимое желаніе отъ души поблагодарить своихъ русскихъ собратьевъ по искусству и горячо пожать имъ руку.

„Полувъ въ ихъ общество, я въ разговорѣ узналъ о тѣхъ матеріальныхъ и юридическаихъ основаніяхъ, на которыхъ зиждутся прочностъ и согласіе этой драматической труппы.

„Здѣсь нѣтъ *контракта* между артистами и директоромъ; здѣсь въ началѣ каждаго сезона *ударяютъ по рукамъ*, и это рукопожатіе, исполненное взаимнаго довѣрія и уваженія, сильнѣе и дѣйственнѣе всякихъ контрактовъ; весьма рѣдко случается чтобы какой-нибудь выдающійся актеръ оставилъ труппу Корша, хотя другіе театры обращаются къ Коршевскимъ артистамъ съ весьма заманчивыми предложеніями.

„Какъ объяснить это своеобразное, единственное въ своемъ родѣ явленіе, то-есть отсутствіе контрактовъ? Единственно лишь одною патріархальною чертой, которая живетъ еще въ характерѣ Русскаго народа.

„У меня самое сильное и неотвратимое убѣжденіе что въ глубинѣ души своей Русскій въ высшей степени честенъ. Да и помимо этого въ Русскомъ народѣ есть признаки великой нации. Замкнутый, въ самомъ себѣ утѣренный, въ сильной самосознаніи, спокойствіи, чуждое всякаго желанія во что бы то ни стало заявлять о себѣ, обращать на себя вниманіе, рекламировать себя. Въ природѣ Русскаго человека нѣтъ и тѣни выскочки.

„Художественное и воспитательное значеніе театра Корша особенно успивается его утремниками, на которыхъ исполняются лучшія произведенія русскихъ и иностранныхъ классиковъ: на эти праздничныя представленія матери могутъ смѣло вести своихъ дочерей.

„Во всякомъ случаѣ, всякій членъ Коршевскаго театра можетъ гордиться своею принадлежностью къ его корпораціи: на то даютъ право интересная, оригинальная организація дѣла въ театрѣ Корша, работающая въ немъ силы и общее направленіе его дѣятельности, чуждое всякихъ претензій, исполненное простоты и здраваго смысла.“

Таковы мысли и чувства, занесенныя иностранцемъ на страницы одного изъ наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ нѣмецкихъ журналовъ. Русскимъ рѣдко счастливителя прочитавъ о себѣ похвалу въ иностранныхъ изданіяхъ, и притомъ совершенно искреннюю похвалу. Артисты театра Корша, воспоминаніе о которыхъ вызвало нѣмецкую статью, могутъ найти въ ней большое нравственное удовлетвореніе.